

УДК 94.3

**ГРЕЧЕСКАЯ АРХАИКА КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА:
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА (VII–VI вв. до н.э.)**

© 2014 г.

И.Е. СуриковИнститут всеобщей истории Российской академии наук, Москва
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

isurikov@mail.ru

Поступила в редакцию 03.06.2014

Освещаются основные процессы, имевшие место в Греции на протяжении VII–VI вв. до н.э. (второй половины архаической эпохи). Демонстрируется, как на этом хронологическом отрезке в греческом мире происходили ключевые перемены, поведшие к формированию античной полисной цивилизации. Особое внимание уделяется данным археологии, которые для этого этапа эллинской истории занимают особенно важное место в комплексе источников.

Ключевые слова: античность, Греция, архаическая эпоха, археология, полис, колонизация, региональные центры, монета, культура, восточные влияния.

Примерно так же, как озаглавлена эта работа¹, назвал свою большую статью, вышедшую вскоре после Второй мировой войны и посвященную архаической Греции, известный антиковед А. Хейс². В то время об архаике писали мало, и работа Хейса сыграла весьма значимую роль в изучении этого периода развития эллинской цивилизации³. Однако ныне, перечитывая ее, испытываешь невольное ощущение, будто оказался в позавчерашнем дне, хотя не сказать, чтобы с момента ее публикации прошло уж чрезмерно много времени. Дело в том, что на протяжении истекших с тех пор десятилетий интерес ученых к архаической эпохе был просто-таки чрезвычайно интенсивным. Он имел, можно сказать, «взрывной» характер: одна за другой стали появляться важнейшие монографии концептуального характера⁴. Это, разумеется, повело к коренному изменению в представлениях об Элладе интересующих нас столетий. Не случайно предисловие к одному из последних по времени коллективных трудов по данной тематике начинается знаменательными словами: «Больше уже ничто не кажется определенным в изучении архаической Греции... Архаическая греческая история фактически трансформировалась до неузнаваемости» [1, р. XX].

Это необходимо учитывать. К сожалению, отечественной историографии вышеуказанные тенденции коснулись лишь в малой степени, и у нас подчас и поныне продолжают писать об архаике в том духе, в каком на Западе писали с полвека тому назад⁵. Это, конечно, прискорбно. Архаическая эпоха имела колоссальное, ни с чем не сравнимое значение в формировании

эллинской античности. Это – время рождения «греческого чуда». Соответственно, совершенно необходим современный взгляд на эту эпоху: только он позволит корректно понимать вообще всю историю Эллады.

Главной же особенностью современного взгляда, о котором идет речь, является всё более активное использование археологических источников. Если ранее по архаике чаще писали историки-нарративисты, то в последние десятилетия этот период в гораздо большей степени стал исследовательским полем для представителей классической археологии⁶. Вполне закономерно, что самые главные в данной сфере, этапные работы (такие как книги Э. Снодграсса, Ф. де Полиньяка, И. Морриса [2–4]) созданы преимущественно именно на археологическом материале.

Поэтому и мы здесь тоже уделим наибольшее внимание данным археологии. Нам представляется, что для российского антиковедения это сейчас очень актуально, поскольку изложения подобного рода в дефиците: об архаической эпохе у нас чаще пишут по нарративным источникам. В результате картина оказывается неполной; мы попытаемся в какой-то степени уменьшить возникающие в ней лакуны.

Отметим вначале, что при определении хронологических рамок архаической эпохи между историками как таковыми и археологами есть некоторое расхождение. В учебниках истории для нее обычно приводятся даты VIII–VI вв. до н.э. (ранее следует «гомеровский период», или «Темные века» – XI–IX вв. до н.э.⁷). Археология же, как правило, выделяет IX–VIII вв. до н.э. в

особый геометрический период⁸, а на долю архаики как таковой в рамках подобной периодизации остаются VII–VI вв. до н.э. Впрочем, любая дискуссия о периодизации – это в известной мере «спор о словах». Мы будем рассматривать геометрический и архаический период как некую единую совокупность. В данной статье будет освещена, как указано и в ее подзаголовке, вторая половина интересующего нас хронологического отрезка, т.е. VII–VI вв. до н.э.

На этом хронологическом отрезке наметившиеся ранее тенденции и процессы получили дальнейшее развитие, выкристаллизовались в максимально четких формах. Еще более ясной стала суть эллинской архаики как исторической эпохи – бурное, поступательное движение вперед, постоянные инновации. Не случайно ведь видный английский археолог Э. Снодграсс, напомним, таким образом охарактеризовал то, что происходило тогда в Греции: «век эксперимента».

По-прежнему шло и набирало темп формирование полисов и полисного строя; всё в большем количестве населенных пунктов археологически фиксируется наличие агоры, городского храма, оборонительных стен и т.д. Новый импульс получило колонизационное движение греков; оно охватывало всё новые и новые территории Средиземноморья, распространилось и на Черное море. Поддерживались постоянные связи с древними цивилизациями Ближнего Востока, оказывавшими на Грецию значительное влияние. И одновременно – в какой-то степени в противовес этому влиянию – складывалась античная культура, абсолютно самобытная, очень не похожая на культуры древневосточные.

Колонизация продолжается. В VIII в. до н.э., когда великое колонизационное движение эллинов только начиналось, оно было направлено в первую очередь в Италию и Сицилию. Наиболее преуспели в основании колоний в то время эвбейские города Халкида и Эретрия, а также Коринф.

В дальнейшем ситуация в ряде отношений становится иной. Расширяется и отчасти изменяется круг метрополий (полисов, основывающих колонии). Эвбейцы практически выпали из их числа, в связи с общим снижением роли их острова в греческом мире. Коринфяне еще проявляли активность, но уже не в такой степени, как прежде. Зато несравненно интенсифицировали свою колонизационную деятельность некоторые города Ионии. Прежде всего следует сказать о Фокее и Милете.

Мореходы из Фокеи⁹ «специализировались» на особенно дальних плаваниях и в этом преуспели выходцев из любых других областей и

центров Эллады. Их маршруты пролегали в Западное Средиземноморье, до самого края известных грекам земель. Побережья Южной Галлии (Франции), Восточной и Южной Испании стали излюбленными пунктами путешествий фокейских купцов. Вначале такие поездки имели торговый характер; так, были установлены выгодные связи с богатым испанским царством Тартесс. А потом появились и фокейские колонии, новые полисы. Самой крупной и известной из них стала основанная около 600 г. до н.э. Массалия (ныне – французский Марсель), которая впоследствии и сама неоднократно выступала в роли метрополии, давая жизнь новым городам.

Если усилиями фокейцев ареал Великой греческой колонизации был расширен далее на запад, то усилиями милетян – далее на северо-восток. Милет VII–VI вв. до н.э.¹⁰ известен как-то фантастически огромным, в сравнении с другими эллинскими полисами, количеством основанных им колоний. Их было несколько десятков, и располагались эти колонии в основном на Черноморских проливах, а также на побережьях самого Черного моря (Понта Эвксинского). Милетские поселения имелись по всему его периметру, но особенно густой россыпью покрывали его северный берег – территории, ныне входящие в состав Украины и России. Тира, Борисфен, Ольвия, Феодосия, Пантикапей, Мирмекий, Гермонасса, Кепы... В их археологическом изучении самое активное участие принимают специалисты из нашей страны, и каждый год приносит интереснейшие находки. В том числе временами обнаруживаются какие-то колонии архаического времени, совершенно неизвестные по письменным источникам – мы не знаем даже их названий.

В VII в. до н.э. возникла одна из самых своеобразных и необычных греческих колоний – Навкратис в Египте, в дельте Нила. Вообще-то Великая греческая колонизация почти не распространялась на восточное и южное направления. Причины этого вполне ясны: в Восточном Средиземноморье издавна существовали развитые государства (как та же страна фараонов или финикийские города), которые отнюдь не были заинтересованы в появлении на своих землях поселений «чужаков». Обычно дальше греческих торговых факторий (таких как Аль-Мина) на территории этих областей дело не шло.

Навкратис был исключением, но именно таким, которое лишь подтверждает правило. Бросаются в глаза его нетипичные для греков черты. Он был основан, – естественно, с разрешения фараонов – не какой-нибудь одной метрополией, а целой группой полисов, причем, по-

хоже, при преобладающей роли Милета. Главным предназначением города была, понятно, греко-египетская торговля, и населен он был в основном купцами. Обладая полисными чертами (что отражается и в археологическом материале), он при этом не был вполне независим, как подобало полноценному полису, а подчинялся фараонской власти. Иными словами, Навкратис даже больше походил на крупную факторию, чем на колонию в собственном смысле слова.

А что же «старые» колонии, основанные греками еще в VIII в. до н.э.? Они стали крупными, процветающими городами, нередко сами выступали в роли метрополий, основывая новые колонии. Прежде всего это относится к полисам, возникшим в Южной Италии и особенно на Сицилии. Сиракузы, Гела, Акрагант, Селинунт выдвинулись в число важнейших, наиболее развитых экономических и политических центров всего греческого мира. Там, в частности, исключительно интенсивно развигывалось культовое строительство, возводились колоссальные по меркам античности храмы (о некоторых из них будет сказано ниже).

А кто теперь в авангарде? На протяжении большей части архаического периода в материковой Греции на первом месте по темпам развития стоял, безусловно, Коринф. По мере общей активизации торговых связей в эллинском мире чем дальше, тем больше давало о себе знать уникальное, великолепное географическое положение этого города. На морских путях – особенно тех, которые вели к Италии и Сицилии, – коринфяне со временем стали просто-таки господствовать, вытеснив на этом поприще эвбейцев. Интенсивная торговля коринфских купцов с самыми разными регионами археологически прослеживается прежде всего в том, насколько частыми и многочисленными становятся обнаруживаемые при раскопках вещи, произведенные в Коринфе и привезенные оттуда.

Как известно, самая обильная «добыча» археологов – это керамические сосуды, точнее, в основном их фрагменты-черепки. И здесь картина, воссоздаваемая на основе археологических исследований, однозначна: в VII в. до н.э. Коринф был крупнейшим, не знавшим себе равных экспортером расписной керамики. Изготовленные в нем вазы так называемых «ориентальных» стилей (характеристика этих стилей будет дана ниже) представляли собой во многих случаях подлинные шедевры живописного искусства. И не случайно спрос на них был необычайно велик в самых разных уголках, где только жили греки, да и среди негреческих народов Средиземноморья.

Правда, необходимо сразу оговорить: конечно, не на продаже посуды выросло прославленное богатство Коринфа. Расписные вазы, при всех своих высочайших художественных достоинствах, были товаром чрезвычайно дешевым. Подсчитано: расписной глиняный сосуд стоил в десять раз меньше, чем бронзовый сосуд такого же размера, в тысячу раз меньше, чем серебряный, в десять тысяч раз меньше, чем золотой [5].

Торговля таким товаром не могла принести огромных барышей. Из-за того, что керамика (в отличие от большинства других материалов) прекрасно сохраняется в земле на протяжении веков и тысячелетий, ее так много и находят при раскопках. И соответственно, у ученых порой создается aberrация, что она была чуть ли не самой важной статьей межгосударственной торговли. На самом же деле, судя по всему, купцы брали ее на свои корабли в последнюю очередь, чтобы заполнить пустые места в трюмах, оставшиеся после того, как уже были уложены более дорогостоящие грузы¹¹.

Коринф же разбогател прежде всего как центр посреднической торговли. Ведь он со своими двумя портами – Лехеем на Коринфском заливе Ионического моря и Кенхреями на Сароническом заливе Эгейского моря – имел, напомним, доступ к маршрутам как запада, так и востока. В архаическую эпоху между этими гаванями был сооружен диолк – инженерное устройство, помогавшее перетаскивать суда волоком через перешеек Истм. Диолк отчасти сохранился до наших дней, исследован археологами.

Правда, судя по всему, главной целью Перикла – тирана (правителя) Коринфа – была при этом не торговая, а стратегическая: он задумал диолк для того, чтобы при случае можно было оперативно перебросить военный флот полиса из одного моря в другое [6, р. 72]. Но уж коль скоро этот путь появился, им, естественно, не преминули пользоваться и купцы – вместо того, чтобы совершать долгое плавание вокруг всего Пелопоннеса с его опасными южными мысами, где часто случались кораблекрушения. А коринфяне, само собой, брали с купцов пошлину за пользование диолком, что опять-таки пополняло казну их города.

Став таким процветающим, сконцентрировав под своим контролем весьма значительные финансовые средства, коринфский полис внес в архаическую эпоху решающий вклад в развитие древнегреческой монументальной архитектуры, что и не удивительно: ведь возведение любого крупного храма было делом весьма дорогостоящим, требовавшим больших затрат, кото-

рые далеко не всякое эллинское государство могло себе позволить.

А коринфяне уже в самом начале VII в. до н.э. построили у себя в городе храм Аполлона, который своей величиной сильно превзошел все более ранние греческие храмы. Не менее важно, что и по своей планировке он принципиально отличался от них: не был чрезмерно узким и вытянутым, не имел апсиды и, в общем, представлял собой уже типичный, гармоничных пропорций периптер. Именно на этот образец и в дальнейшем ориентировались эллинские архитекторы в храмовом строительстве. А поколение спустя неподалеку от Коринфа, на принадлежащих ему землях, в святилище Посейдона был сооружен храм этого божества, еще более впечатляющий. С коринфских архаических храмов обычно начинают историю античной архитектуры.

Ну, а что же остальные центры древнегреческой цивилизации, в геометрический период являвшиеся передовыми? Эвбея окончательно отошла на второй план, очевидно, истощенная чрезмерным напряжением сил.

Более сложной была ситуация в Аттике¹². В VII в. до н.э. она, несомненно, отставала от Коринфа, причем значительно. Однако в следующем столетии ее развитие пошло резко ускорившимися темпами. В это, несомненно, внесли вклад два события: социально-экономические и политические реформы, проведенные в 594 г. до н.э. знаменитым законодателем Солоном, а также мудрое, дальновидное правление тирана Писистрата (560–527 гг. до н.э., с перерывами).

Рост значения афинского полиса очень хорошо заметен, в частности, на материале аттической расписной керамики. Просто-таки бросается в глаза, как в VI в. до н.э. ее качество неизмеримо улучшается, многократно увеличивается и количество. Керамические изделия из Афин (чернофигурные, а затем краснофигурные – о стилях архаической вазописии подробнее будет сказано ниже) на всех рынках стремительно вытесняют коринфские и становятся наиболее распространенными на просторах Средиземноморья. Коринф, таким образом, в конечном счете проигрывает Афинам в экономической конкуренции, хотя по-прежнему остается видным ремесленно-торговым центром.

В том же столетии в Афинах возводятся первые монументальные каменные храмы – вначале на акрополе¹³. А ближе к концу архаической эпохи на окраине города начинает воплощаться в жизнь грандиозный архитектурный проект; он был задуман, очевидно, Писистратом, но выполнять его пришлось уже сыновьям-наследникам тирана. Речь идет о храме Зевса

Олимпийского. По своим размерам (примерно 108×41 м в плане) он должен был очень сильно превзойти любую другую культовую постройку Балканской Греции. Однако храм не был завершен ввиду ликвидации в 510 г. до н.э. афинской тирании. Впоследствии афиняне не раз принимались за его достройку, но закончить дело удалось только во II в. н.э. Более шестисот лет длилось сооружение храма Зевса! Наверное, это один из величайших «долгостроев» во всей мировой истории. И поныне возвышаются в Афинах несколько его сохранившихся колонн – огромных, почти двадцатиметровой высоты.

Наряду с Коринфом и Афинами, к самым развитым центрам архаического периода принадлежали, конечно же, полисы Ионии – уже упоминавшиеся Милет и Фокея, а также Эфес, Самос, Хиос и др. Именно теперь Иония стала подлинной «жемчужиной Греции». Ее богатые торговые города тоже могли позволить себе затраты на сооружение пышных храмов. Если афинский храм Зевса не был завершен, то на ионийской земле в то же время (и даже чуть раньше) выросло сразу несколько построек такой же колоссальной величины.

Так, храм Геры на острове Самосе имел размеры 112×55 м, храм Артемиды в Эфесе – 115×55 м, храм Аполлона в местечке Дидимы на хоре Милета – 87×42 м¹⁴. Все они были возведены в середине и второй половине VI в. до н.э. и относились к архитектурному типу диптера, то есть имели по два ряда колонн по периметру. К сожалению, от всех этих архаических сооружений сохранились только фундаменты, и в результате очень трудно судить об их внешнем виде. Например, спорным является вопрос, была ли у них типичная для греческих храмовых построек верхняя часть – двускатная крыша с треугольниками фронтонов на меньших по длине сторонах. Похоже, что все-таки нет: большинство ученых считают, что состояние развития техники того времени еще не позволяло покрывать здания такой огромной ширины сплошной крышей. Более вероятно, что они имели какое-то иное завершение, например, в центральной части был оставлен внутренний двор под открытым небом.

Соперничать с ионийскими храмами-гигантами могли только две культовые постройки, возведенные на Сицилии. Храм Зевса Олимпийского в Акраганте имел размеры 110 x 53 м, один из храмов Селинунта – 110 x 50 м. Правда, они датируются несколько более поздним временем – началом V в. до н.э. Но для сицилийского региона ученые часто включают этот хронологический отрезок еще в архаическую, а не в классическую эпоху, иными слова-

ми, считают, что на Сицилии архаика длилась дольше.

Интересен уже сам тот факт, что крупнейшие храмовые здания греческого мира появились не в центре его, не на Балканском полуострове, а почти исключительно на периферии, в окраинных областях (Иония и Сицилия), соприкасавшихся с «варварскими» землями. С чем это связано? Есть, в числе прочих, и такой ответ: подобным способом эллины именно и хотели продемонстрировать соседям-«варварам» свою силу и могущество. Но это одна сторона проблемы, а другая явно заключается в том, что, повторим, только богатые города могли браться за подобные предприятия.

Монета в архаической Греции. Признаком того, что Иония была передовым регионом, является и следующий знаменательный факт. Именно расположенные в нем полисы первыми начали чеканку монеты. Здесь следует сказать, что древнегреческие монеты относятся к одной из важнейших категорий археологического материала. Они являются источником исключительно важной информации: их находки дают возможность судить о характере денежного обращения, о путях межгосударственной торговли, о системах мер и весов и о многом другом. Информативными, как правило, бывают также изображения и надписи на монетах.

Весьма вероятно, что ионийцы вообще первыми в мире изобрели такую нужную и полезную вещь, как монета (достаточно лишь напомнить, что человечество и по сей день пользуется этим их изобретением). Правда, обычно и в научной литературе, и в учебниках, и в энциклопедиях утверждается, что монета сперва появилась не у них, а у их восточных соседей – лидийцев. И лишь потом ионийцы, а за ними и остальные греки переняли это новшество.

Однако данное мнение основывается на неточном понимании одного выражения «отца истории» Геродота (I. 94), который говорит, что лидийцы «первыми из людей, насколько мы знаем, отчеканили монету из золота и серебра и стали ей пользоваться». Не нужно понимать эти слова в том смысле, что в Лидии монета как таковая раньше всех была введена в обиход. Речь идет, подчеркнем, именно о *золотых и серебряных* монетах. А их первым выпустил славившийся своим богатством последний лидийский царь Крез (правил в 560–546 гг. до н.э.).

Однако до Креза монеты уже существовали. Только чеканились они из другого металла – электра (природного сплава золота с серебром). Датировка самых ранних монет – серьезная научная проблема, на пути решения которой во второй половине XX в. были сделаны очень

серьезные шаги. Получила значительное развитие, в частности, такая относительно новая и весьма перспективная методика, как тщательное, скрупулезное изучение монетных кладов. Результаты не заставили себя долго ждать: находки ряда новых, важных и хорошо датированных кладов, а также уточнение датировок тех кладов, которые были известны ранее, привели к очень серьезному пересмотру хронологии ранних стадий монетного дела¹⁵. На сегодняшний день общепризнано, что первые лидийские монеты появились не при царе Гигесе (первая половина VII в. до н.э.), как считалось раньше, а лишь при отце Креза Алиатте, в самом конце VII или даже, скорее, в начале VI в. до н.э.

Древнейший из известных науке на сегодняшний день монетных кладов был открыт в ходе раскопок храма Артемиды в Эфесе. Его заложили в фундамент, когда в середине VI в. до н.э. приступали к строительству этого огромного здания. Клад содержит образчики самых-самых первых электровых монет, причем среди них есть как лидийские, так и принадлежащие ионийским греческим полисам. Какие из них раньше по времени – лидийские или ионийские, – в точности определить невозможно: ранние монеты не могут быть датированы с точностью до года. Иными словами, вопрос о приоритете лидийцев или греков в изобретении монетного дела приходится оставить открытым. Ясно одно: и те, и другие начали чеканить примерно одновременно, кто-то чуть-чуть раньше, кто-то чуть-чуть позже, но именно чуть-чуть, на какие-нибудь несколько лет. Какая сторона была первооткрывателем, а какая – заимствующей? Достоверно неизвестно, но то, что мы знаем о «национальном характере» лидийцев и эллинов, скорее заставляет сделать выбор в пользу последних. Ведь ими сделано столь много других великих открытий в области культуры!

Неизбежен вопрос о причинах и целях введения чеканной монеты в греческих полисах¹⁶. Традиционно учеными делается упор на чисто экономический и даже коммерческий фактор, считается, что побуждающим мотивом к началу чеканки послужило развитие мелкой розничной торговли. Это неверно. Нам представляется правильной та точка зрения, согласно которой учреждение монетного дела было в значительно большей степени политической, нежели экономической мерой.

Прежде всего, до введения чеканки в Греции четко фиксируется стадия домонетных денег. При этом подчеркнем, речь идет не о «протоденьгах» типа голов скота (применяющихся для оценки богатства уже в гомеровском эпосе) или

медимнов зерна, а о самых настоящих деньгах, просто не имевших еще привычной нам монетной формы. Прекрасно известно, что в Пелопоннесе в этом качестве употреблялись стандартизованные металлические спицы (обола); их экземпляры открыты археологами. Ту же функцию могли выполнять нечеканенные слиточки серебра [7, с. 23; 8, р. 6; 9, р. 333; 10, S. 164; 11]. Особенно велика возможность такого положения дел в Аттике, где серебро добывалось в весьма значительном по греческим меркам количестве. Такие слиточки имели фиксированный вес и отличались от «настоящих» монет, в сущности, только отсутствием клейма государства. С ними были полноценно возможны любые операции, которые позже были возможны с монетами.

Итак, собственно говоря, экономика как таковая и только она вполне могла обходиться этими нечеканеными (но уже стандартизованными по весу) домонетными деньгами. Подчеркнем, они представляли собой отнюдь не какой-нибудь эрзац, а полноценные деньги, только без полисных эмблем.

Далее, вопрос о функциях ранних монет вообще значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Исторически первые чеканки – это, как мы видели, электроновые чеканки ионийских полисов и Лидии. Но использованию монет этих выпусков в розничной торговле должен был серьезно препятствовать факт отсутствия в них мелких фракций.

Правда, на это иногда возражают, что мелкие фракции все-таки существовали. В ранней электроновой чеканке Ионии известны монеты весом до 1/96 статера, основной денежной единицы. Однако здесь нужно отдавать себе отчет в том, что в рамках электроновой чеканки вообще были невозможны номиналы, стоимость которых была бы действительно малой. Дело в том, что электр – весьма дорогой металл. Он соотносился с серебром в среднем как 10:1. Иными словами, даже самая мелкая электроновая монета в 1/96 статера соответствовала примерно 0.2 серебряной драхмы, или чуть больше обولا. А на серебряную драхму на рубеже VII–VI вв. до н.э. в Афинах, например, можно было купить медимн (около 52 литров) зерна или овцу, на 5 драхм – быка. Какая уж тут «мелкая розничная торговля»! Для этой последней даже в классическую эпоху, когда цены на товары многократно повысились, использовались номиналы стоимостью ниже обولا (гемиобол, тетартеморий, гемитетартеморий).

Выдающийся социолог и историк экономики Макс Вебер совершенно справедливо отмечает, что по своей первоначальной функции деньги

были не средством обмена (торговли), а средством платежа. «В этой стадии деньги не являются орудием обмена» [12, с. 223]. На определенной стадии появляются отношения или услуги, не основывающиеся на обмене, но все же требующие наличия платежных средств. В качестве примеров таких ситуаций Вебер приводит со стороны населения – необходимость выплат дани и подарков правителю, штрафов, выплаты в области семейных отношений (выкуп за жену, приданое). К греческим реалиям все эти ситуации имеют самое непосредственное отношение. Платежи должны были вноситься, безусловно, установленными и общепринятыми платежными средствами. Со стороны же властей возникла необходимость в средстве платежа для того, чтобы давать дары дружине, из чего выросла практика жалования, оплаты услуг наемных войск. В дальнейшем важной функцией денег стало накопление казны.

Можно со значительной долей уверенности утверждать, что монета появляется в Лидии и Греции именно в связи с необходимостью фиксированных и единообразных выплат. В частности, важную роль должна была играть именно необходимость платить воинам-наемникам. Лидийские цари архаической эпохи активно привлекали на свою службу греческие наемные войска. А чеканка государственного символа на монетах служила как бы заверением подтвержденного государством фиксированного веса и, соответственно, фиксированной стоимости. В дальнейшем монета, естественно, использовалась для торговли, и чем дальше – тем больше. Но это была ее вторичная, не изначальная функция, что следует учитывать.

Вебер отмечает, что на ранней стадии развития денег следует говорить о «деньгах внутреннего обращения» [12, с. 223]. На этом следует остановиться подробнее, поскольку среди историков античной экономики есть, наряду с концепцией «мелкой розничной торговли», и другая концепция причин введения монеты. Если ранние монеты, ввиду отсутствия малых номиналов, не могли использоваться для мелких внутренних торговых операций, стало быть, они использовались для крупной международной торговли – так можно сформулировать эту точку зрения. Однако и она неверна.

Можно поставить в сочетании друг с другом несколько важных вопросов. Во-первых, почему практически сразу же с началом монетной чеканки на лицевых сторонах монет начинают появляться типы, обозначающие полис? Во-вторых, почему для этой ранней чеканки использовался электр? Ведь этот природный сплав серебра и золота обладает очевидным не-

достатком: в нем очень сильно колеблется процентное соотношение двух металлов, что, естественно, не может не влиять на реальную ценность. А точно установить это соотношение для той или иной конкретной монеты было невозможно вплоть до эпохи эллинизма, до открытия закона Архимеда. Еще один сопряженный вопрос – наличие неодинаковых весовых стандартов монеты в различных полисах. Это ведь тоже должно было создавать дополнительные сложности для использования монет во внешней торговле.

Одним словом, всё говорит о том, что целью введения монетной чеканки не являлось облегчение обмена между полисами. Монеты явно предназначались для местного, внутриволисного использования. Характерно, что монета не получила полноценного употребления в Персидской державе. Персия, как известно, чеканила и золотые и серебряные монеты (дарики и сикли), но в своем собственно монетном качестве они ходили разве что в Малой Азии, а за ее пределами, в других частях огромного царства они рассматривались лишь как слитки.

Что же касается греческого мира как такового, электрова монета из-за существенных колебаний содержания золота в ней, как ни парадоксально, не могла считаться действительно «реальной монетой» и, несмотря на свою высокую нарицательную стоимость, имела некоторые черты кредитных денег. Ведь каждый отдельный потребитель монеты не мог проверить ее состав, просто не имел для этого никаких способов. Иными словами, для удостоверения своей ценности такая монета нуждалась в санкции выпускающей власти. А в условиях полисной раздробленности это означало, что циркуляция выпущенной данной властью монеты ограничивалась тем регионом, в котором эта власть признавалась.

Таким образом, электр со свойственной ему нестабильностью состава был идеальным средством как раз не для межгосударственного, а для локального обмена. Использование для чеканки этого металла позволяло в значительной мере сохранить монеты для экономики данного государства, добиваться того, чтобы ценный металл не ушел куда-нибудь «на сторону». Индивидам, которые получали выплаты электровыми монетами, было потом просто легче всего реинвестировать эти средства именно в местную полисную экономику.

Как Лидия, так и ионийские полисы производили монету для использования внутри собственного политического пространства, а не для контактов с иными. Безусловно, позже, с появлением серебряной чеканки, ситуация измени-

лась: серебряные монеты могли уже без существенных проблем «пересекать границы». Впрочем, разницей в весовых стандартах монет сохранялся еще очень долго.

Вообще к чеканке различных государств, к ее причинам и целям необходимо подходить дифференцированно. В каких-то случаях (например, на богатой торговой Эгине) монеты могли выпускаться действительно для удовлетворения коммерческих интересов. А совсем иная ситуация имела место, скажем, в Македонии. Там выпускались зачастую монеты огромных номиналов, вплоть до редчайшей в греческом мире додекадрахмы (12 драхм). Трудно представить, каким образом такие деньги могли употребляться в торговле, особенно если учитывать слабое развитие торговых отношений в таком отсталом регионе, каким была архаическая Македония. Чеканка там скорее была нужна для адекватной оценки македонскими царями своих финансовых ресурсов.

Введение чеканной монеты, в сущности, не изменило сколько-нибудь серьезно греческую экономику, которая вполне могла обходиться и без чеканки, поскольку стандартизированные весовые меры, несомненно, были в ходу уже и ранее. Известно, что далеко не все полисы начали монетные выпуски в архаическую эпоху. Один из ярких примеров обратного – Мегары, в которых собственная монета появилась лишь в IV в. до н.э. А между тем мегарский полис всегда являлся экономически высокоразвитым, со значительным удельным весом ремесла и торговли в хозяйственной жизни. Как же он обходился без своих денег? Использовал чужие? Такой вариант возможен, но он объясняет ситуацию лишь отчасти. В основном экономические нужды должны были обеспечиваться за счет нечеканенного серебра.

Итак, политические мотивы при введении чеканки в греческих полисах должны были играть, как минимум, не меньшую роль, чем экономические. Выбивая на монете символ полиса, ее тем самым делали одним из главных атрибутов государственного суверенитета, каковым она с тех пор и оставалась.

Возможно, у кого-то возникнет недоумение: стоило ли так подробно останавливаться на вопросе о причинах начала чеканки монеты в античной Элладе. Однако нам это все-таки показалось необходимым. Ведь, во-первых, выдвигаемая здесь точка зрения является новой. Более того, она очень уж сильно противоречит традиционным представлениям: как же это так, неужели монеты были введены не в торговых интересах? Поэтому нужно было привести аргументы, разъясняющие нашу позицию, а не вы-

сказывать ее бездоказательно. Во-вторых, монеты – это, повторим, очень важная часть археологического материала. Конечно, в количественном отношении они отнюдь не первенствуют, но зато почти каждая такая находка очень ценна, поскольку приносит новую интересную информацию.

Восточное влияние и самобытность культуры. Иногда VII в. до н.э. выделяют в особый период – «ориентальный», или «ориентализующий» (то есть демонстрирующий особенно сильное влияние цивилизаций Востока). Контакты с Левантом, начавшиеся много раньше, теперь становятся еще более активными, что приводит к большому количеству культурных заимствований, сделанных греками у своих восточных соседей. Алфавит и писчие материалы (кожи, папирус), многие навыки и достижения ремесленного производства (особенно в сложных отраслях ремесел – монументальном строительстве, изготовлении статуй, обработке металлов, особенно ценных, и т.п.), ряд религиозных культов и мифологических сюжетов, возможно, монетное дело и многое другое – всё это пришло в Элладу из Египта и Малой Азии, Сирии и Финикии...

Раньше этому не придавалось большого значения, а теперь, наоборот, справедливо подчеркивается. Однако в результате науке грозит другая крайность – чрезмерно преувеличить роль «импортированных» элементов культуры, что может затушевать эллинскую самобытность, представить греков в роли «послушных учеников» умудренных опытом восточных цивилизаций¹⁷.

На самом же деле, несмотря на все заимствования, античная греческая культура оставалась все же совершенно непохожей на восточные. Это суждение верно и в целом и в частных случаях. Приведем хотя бы такой пример.

Можно вполне согласиться с тем, что архитектурно-строительные приемы египтян оказали значительное влияние на становление зодчества архаических греков. Методы обработки блоков камня, складывания из них монументальных построек – всё это воспринималось с энтузиазмом. Но что получилось в результате? Совершенно иной тип архитектуры. Греческий храм ни в чем, ни по каким характеристикам и параметрам не напоминает храм египетский. Он не подавляет окружающих гигантскими размерами. Он соразмерен человеку, удивительно гармоничен, строг и каноничен по форме – и этим представляет собой чисто античный феномен. Причем феномен, сложившийся во всех основных чертах как раз в архаическую эпоху, то есть именно тогда, когда восточные влияния были особенно интенсивными.

Другой пример. В том же VII в. до н.э. в греческой вазописи геометрический стиль вытесняется группой так называемых «ориентальных» стилей. Иначе их еще называют «восточными», «ковровыми». Последний эпитет особенно характерен: красочная и фантастическая причудливость декора на сосудах этих стилей напоминает именно восточные ковры. На вазах изображались экзотические животные и растения: львы, грифоны, пальмы, лотосы...

Контраст с предшествующим геометрическим стилем, в котором изображения были предельно строго упорядочены и схематизированы, действительно очень велик. Живописный мир сосуда становится гораздо более пестрым и хаотичным, а в то же время более натуралистичным, приближенным к реальной жизни. Что же, перед нами опять восточное заимствование? На первый взгляд это так. Однако в искусстве Ближнего Востока этой эпохи вазы подобных стилей неизвестны. Иными словами, хотя и не приходится сомневаться, что какой-то импульс с Леванта греками действительно был получен, но претворился этот импульс опять же во что-то вполне самобытное и оригинальное.

Главным центром «ориентальной» вазописи являлся Коринф. Именно развившиеся там стили – протокоринфский (ок. 725–625 гг. до н.э.) и коринфский (ок. 625–550 гг. до н.э.) в наибольшей степени несут вышеописанные «ковровые» черты. Определенную специфику имели «ориентальные стили», развившиеся на востоке греческого мира, в Ионии. Там излюбленным мотивом стали процессии животных. Поэтому, например, один из самых распространенных ионийских вазописных стилей архаического периода в науке называется «стилем диких козлов».

Особое место в развитии архаической вазописи принадлежит Афинам. Вначале они, как упоминалось выше, отставали, в том числе и в художественном отношении. Протоаттический стиль, относящийся к VII в. до н.э., не производит столь же яркого впечатления, как протокоринфский. На нем меньше сказались новые «ориентальные» влияния, в нем сохранилось больше рудиментов устаревающего геометрического стиля.

А вот в VI в. до н.э. происходит настоящий переворот: Афины выдвигаются на первое место в искусстве вазописи. Этому способствовало, в частности, и то, что производившаяся в Аттике керамика отличалась великолепным качеством глины; она покрывалась блестящим и плотным черным глазурированным лаком.

В начале столетия внедряются чернофигурные стили¹⁸: на красноватом фоне глины резко

выделяются закрашенные черным лаком фигуры. Росписи на чернофигурных вазах часто представляли собой многофигурные композиции на мифологические сюжеты. Встречались и сцены, связанные с повседневной жизнью людей: битва гоплитов, состязание атлетов, сцены пира, хоровод девушек... Находящиеся во многих музеях мира античные расписные вазы являются для нас настоящей иллюстрированной энциклопедией быта древних греков.

Именно в Афинах в правление тирана Писистрата (около 530 г. до н.э.) произошло и еще одно исключительно важное событие в истории вазописи: чернофигурные стили сменились краснофигурными¹⁹. Теперь фон стали покрывать черным лаком, а у фигур сохранять цвет глины. Иными словами, краснофигурная техника – это как бы негатив чернофигурной.

Такая техника давала художнику намного больше возможностей, чем прежде. Она позволяла, например, тщательнее разрабатывать строение тела, мускулатуру, драпировки. Можно было добиваться большей индивидуализации персонажей. Основное направление развития, таким образом, вело к реализму, ко все более совершенной передаче человеческого тела и его движений.

Краснофигурные стили внедрялись постепенно. Некоторое время встречались художники, которые одновременно работали и в старой чернофигурной, и в новой краснофигурной технике. Иногда создавались даже сосуды, у которых (вне сомнения, намеренно, в порядке эксперимента) на обеих сторонах помещались совершенно одинаковые изображения, но одно из них было чернофигурным, а другое – краснофигурным. Такие изделия своей новизной и необычностью, несомненно, привлекали внимание покупателей.

Очень быстро афинская расписная керамика была повсеместно и справедливо признана лучшей в греческом мире, оставившей далеко позади продукцию всех остальных гончарных мастерских. Спрос на нее в колоссальной степени возрос, и не случайно ее образчики поныне открывают в большом количестве в самых разных местах – и в Италии, и на Востоке, и в Северном Причерноморье²⁰.

Чернофигурная и краснофигурная керамика VI в. до н.э. уже не демонстрирует сколько-нибудь заметного восточного влияния. Она является уже вполне самобытным, уникально греческим культурным феноменом, который спутать с чем-либо невозможно.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 14-01-00018а.

Примечания

1. Данная работа является прямым продолжением нашей статьи, посвященной первой половине архаической эпохи и опубликованной в ежегоднике «Мнемон» (вып. 14, 2014 г.).
2. Статья впервые опубликована в 1946 г. Ссылаемся на более доступное переиздание: [13].
3. К ее общей оценке см.: [14, с. 25 слл.].
4. Главные вехи этого пути, с указаниями на соответствующие исследования, охарактеризованы у нас в другом месте: [15, с. 40 слл.].
5. Характерный пример из числа самых недавних: [16]. Мы уж не говорим о книге [17]: она в ряде отношений вообще написана на уровне XIX века.
6. См. характеристику этой тенденции с оценкой ее последствий в историографическом очерке: [18].
7. Об этом периоде см.: [19].
8. См. важнейшее на сегодняшний день исследование: [20].
9. Различные существующие в науке взгляды на фокейскую колонизацию см., например, в работах: [21–23].
10. О Милете в целом см.: [24–25]. Специально о милетской колонизации см. прежде всего: [26].
11. См. к вопросу: [27].
12. Об архаических Афинах написано, конечно, очень много. Отметим, в частности, фундаментальное исследование: [28].
13. Наиболее детальный анализ см.: [29].
14. Данные по размерам храмов здесь и далее приводятся по [30, р. 262].
15. [9; 31–34; 35, S. 72 ff.; 36, p. 25 f.; 37, p. 36–39; 38]. Работ по рассматриваемому здесь вопросу на самом деле гораздо больше; те, что указаны здесь, приведены скорее *exempli gratia*.
16. В дальнейшем изложении мы отчасти опираемся на свои предыдущие разработки в: [15, с. 190 слл.].
17. Возражения см.: [39].
18. Интересное, концептуальное рассмотрение вазописных стилей см.: [40].
19. Точнее, не то чтобы в один момент сменились. Чернофигурная техника продолжала оставаться достаточно распространенной еще несколько десятилетий после открытия краснофигурной. Некоторые вазописцы параллельно использовали обе техники. Подробнее об этих сюжетах см.: [41].
20. См. на примере одного из крупнейших североазиатских центров: [42].

Список литературы

1. Raaflaub K.A., Wees H. van. Preface // A Companion to Archaic Greece / Ed. by K. Raaflaub, H. van Wees. Oxford, 2009. P. XX–XXII.
2. Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980.
3. Polignac F. de. La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C. Paris, 1984.

4. Morris I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge, 1987.
5. Vickers M. *Attic Symposia after the Persian Wars // Symptica: A Symposium on the Symposion / Ed. by O. Murray*. Oxford, 1990. P. 105–121.
6. Johnston A. *The Emergence of Greece*. Oxford, 1976.
7. Зограф А.Н. *Античные монеты*. М.–Л., 1951.
8. Rhodes P.J. *Solon and the Numismatists // Numismatic Chronicle*. 1975. Vol. 15. P. 1–11.
9. Kroll J.H., Waggoner N.M. *Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // American Journal of Archaeology*. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 325–340.
10. Furtwängler A. *Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung // Schweizerische numismatische Rundschau*. 1986. Bd. 65. S. 153–165.
11. Kroll J.H. *Silver in Solon's Laws // Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price / Ed. by R. Ashton, S. Hurter*. L., 1998. P. 225–232.
12. Вебер М. *История хозяйства*. Город. М., 2001.
13. Heuss A. *Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Zur griechischen Staatskunde / Hg. von F. Gschnitzer*. Darmstadt, 1969. S. 36–96.
14. Фролов Э.Д. *Рождение греческого полиса*. Л., 1988.
15. Суриков И.Е. *Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения*. М., 2007.
16. Фролов Э.Д. *Архаическая революция в античной Греции (принципиальный обзор инноваций и перемен в социально-политической и культурной жизни древней Греции в VIII–VI вв. до н.э.) // Проблемы античной демократии / Под ред. Э.Д. Фролова*. СПб., 2010. С. 11–24.
17. Блаватская Т.В. *Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.)*. СПб., 2003.
18. Davies J.K. *The Historiography of Archaic Greece // A Companion to Archaic Greece / Ed. by K. Raaflaub, H. van Wees*. Oxford, 2009. P. 3–21.
19. Суриков И.Е. «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н.э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // *Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания / Под ред. М.С. Бобковой*. М., 2012. С. 13–38.
20. Coldstream J.N. *Geometric Greece 900–700 BC*. 2 ed. L. – N.Y., 2003.
21. Kerschner M. *Phokäische Thalassokratie oder Phantom-Phokäer? Die frühgriechischen Keramikfunde im Süden der Iberischen Halbinsel aus der ägäischen Perspektive // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton / Ed. by K. Lomas*. Leiden – Boston, 2004. P. 115–148.
22. Domínguez A.J. *Greek Identity in the Phocaeen Colonies // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton / Ed. by K. Lomas*. Leiden – Boston, 2004. P. 429–456.
23. Morel J.-P. *Phocaeen Colonisation // Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas / Ed. by G.R. Tsatsikis*. Vol. 1. Leiden – Boston, 2006. P. 359–428.
24. Gorman V.B. *Miletos: The Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E.* Ann Arbor, 2001.
25. Greaves A.M. *Miletos: A History*. L. – N.Y., 2002.
26. Ehrhardt N. *Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen*. Frankfurt a/M, 1983.
27. Gill D.W.J. *Pots and Trade: Spacefillers or Objects D'art? // Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111. P. 29–47.
28. Welwei K.-W. *Athen: Vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis*. Darmstadt, 1992.
29. Hurwit J.M. *The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present*. Cambridge, 2001.
30. Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 BC*. L. – N.Y., 1996.
31. Wallace W.P. *Early Coinages of Athens and Euboea // Numismatic Chronicle*. 1962. Vol. 2. P. 23–42.
32. Kraay C.M. *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley, 1976.
33. Kraay C.M. *The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology // Numismatic Chronicle*. 1977. Vol. 17. P. 189–198.
34. Kraay C.M. *Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen // Methoden der antiken Numismatik / Hg. von M. Radnoti-Alföldi*. Darmstadt, 1989. S. 180–210.
35. Radnoti-Alföldi M. *Antike Numismatik. Teil 1*. Mainz, 1978.
36. Jenkins G.K. *Ancient Greek Coins*. 2nd ed. L., 1990.
37. Rebuffat F. *La monnaie dans l'antiquité*. Paris, 1996.
38. Kim H.S. *Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money // Money and its Uses in the Ancient Greek World / Ed. by A. Meadows, K. Shipton*. Oxf., 2001. P. 7–21.
39. Суриков И.Е. *Рождение «греческого чуда»: восточные влияния и самобытность в архаической Элладе // Античная история и классическая археология / Под ред. М.С. Бобковой, В.В. Дементьевой*. М., 2006. С. 79–89.
40. Hurwit J.M. *The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C.* Ithaca, 1985.
41. Самар О.Ю. *Развитие стиля аттической живописи в позднеархаический период (530–490 гг. до н.э.)*. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011.
42. Morgan C. *Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagoria*. Leiden – Boston, 2004.

**THE ARCHAIC PERIOD IN GREECE AS A HISTORICAL EPOCH: A MODERN VIEW.
THE LAST HALF (7th – 6th centuries B.C.)**

I.E. Surikov

The article highlights main processes that took place in Greece during the 7th – 6th centuries B.C. (the last half of the Archaic epoch). The author demonstrates how at that time crucial changes in the Greek world happened, which led to the emergence of the Classical polis-type civilization. Special attention is given to archaeological data that for this phase of Hellenic history are of particular value in the body of sources.

Keywords: classical antiquity, Greece, Archaic epoch, archaeology, polis, colonization, regional centers, coin, culture, Eastern influence.

References

1. Raaflaub K.A., Wees H. van. Preface // *A Companion to Archaic Greece* / Ed. by K. Raaflaub, H. van Wees. Oxford, 2009. P. XX–XXII.
2. Snodgrass A. *Archaic Greece: The Age of Experiment*. L., 1980.
3. Polignac F. de. *La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C.* Paris, 1984.
4. Morris I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge, 1987.
5. Vickers M. *Attic Symposia after the Persian Wars // Symptica: A Symposium on the Symposion* / Ed. by O. Murray. Oxford, 1990. P. 105–121.
6. Johnston A. *The Emergence of Greece*. Oxford, 1976.
7. Zograf A.N. *Antichnye monety*. M.–L., 1951.
8. Rhodes P.J. *Solon and the Numismatists // Numismatic Chronicle*. 1975. Vol. 15. P. 1–11.
9. Kroll J.H., Waggoner N.M. *Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // American Journal of Archaeology*. 1984. Vol. 88. No. 3. P. 325–340.
10. Furtwängler A. *Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung // Schweizerische numismatische Rundschau*. 1986. Bd. 65. S. 153–165.
11. Kroll J.H. *Silver in Solon's Laws // Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price* / Ed. by R. Ashton, S. Hurter. L., 1998. P. 225–232.
12. Veber M. *Istoriya hozyajstva*. Gorod. M., 2001.
13. Heuss A. *Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Zur griechischen Staatskunde* / Hg. von F. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 36–96.
14. Frolov Eh.D. *Rozhdenie grecheskogo polisa*. L., 1988.
15. Surikov I.E. *Arhaicheskaya i klassicheskaya Grechiya: problemy istorii i istochnikovedeniya*. M., 2007.
16. Frolov Eh.D. *Arhaicheskaya revolyuciya v antichnoj Grecii (principl'nyj obzor innovacij i peremen v social'no-politicheskoj i kul'turnoj zhizni drevnej Grecii v VIII–VI vv. do n.eh.) // Problemy antichnoj demokratii / Pod red. Eh.D. Frolova*. SPb., 2010. S. 11–24.
17. Blavatskaya T.V. *Cherty istorii gosudarstvennosti Ehlady (XII–VII vv. do n.eh.)*. SPb., 2003.
18. Davies J.K. *The Historiography of Archaic Greece // A Companion to Archaic Greece* / Ed. by K. Raaflaub, H. van Wees. Oxford, 2009. P. 3–21.
19. Surikov I.E. «*Temnye veka*» v Grecii (XI– IX vv. do n.eh.) – pervyj perekhodnyj period v isto-rii evropejskoj civilizacii // *Perekhodnye periody vo vse-mirnoj istorii: Transformaciya istoricheskogo znaniya / Pod red. M.S. Bobkovej*. M., 2012. S. 13–38.
20. Coldstream J.N. *Geometric Greece 900–700 BC*. 2 ed. L. – N.Y., 2003.
21. Kerschner M. *Phokäische Thalassokratie oder Phantom-Phokäer? Die frühgriechischen Keramikfunde im Süden der Iberischen Halbinsel aus der ägäischen Perspektive // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton* / Ed. by K. Lomas. Leiden – Boston, 2004. P. 115–148.
22. Dominguez A.J. *Greek Identity in the Phocaeen Colonies // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton* / Ed. by K. Lomas. Leiden – Boston, 2004. P. 429–456.
23. Morel J.-P. *Phocaeen Colonisation // Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas* / Ed. by G.R. Tsatsikis. Vol. 1. Leiden – Boston, 2006. P. 359–428.
24. Gorman V.B. *Miletos: The Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E.* Ann Arbor, 2001.
25. Greaves A.M. *Miletos: A History*. L. – N.Y., 2002.
26. Ehrhardt N. *Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen*. Frankfurt a/M, 1983.
27. Gill D.W.J. *Pots and Trade: Spacefillers or Objects D'art? // Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111. P. 29–47.
28. Welwei K.-W. *Athen: Vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis*. Darmstadt, 1992.
29. Hurwit J.M. *The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present*. Cambridge, 2001.
30. Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 BC*. L. – N.Y., 1996.
31. Wallace W.P. *Early Coinages of Athens and Euboea // Numismatic Chronicle*. 1962. Vol. 2. P. 23–42.
32. Kraay C.M. *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley, 1976.
33. Kraay C.M. *The Asyut Hoard: Some Comments on Chronology // Numismatic Chronicle*. 1977. Vol. 17. P. 189–198.
34. Kraay C.M. *Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen // Methoden der antiken Numismatik / Hg. von M. Radnoti-Alföldi*. Darmstadt, 1989. S. 180–210.
35. Radnoti-Alföldi M. *Antike Numismatik. Teil 1*. Mainz, 1978.
36. Jenkins G.K. *Ancient Greek Coins*. 2nd ed. L., 1990.

37. Rebuffat F. La monnaie dans l'antiquité. Paris, 1996.
38. Kim H.S. Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money // Money and its Uses in the Ancient Greek World. Ed. by A. Meadows, K. Shipton. Oxf., 2001. P. 7–21.
39. Surikov I.E. Rozhdenie «grecheskogo chuda»: vostochnye vliyaniya i samobytnost' v arhaicheskoj Ehllade // Antichnaya istoriya i klassicheskaya arheologiya / Pod red. M.S. Bobkovej, V.V. Dement'evoj. M., 2006. S.79–89.
40. Hurwit J.M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985.
41. Samar O.Yu. Razvitie stilya atticheskoj zhivopisi v pozdnearhaicheskij period (530–490 gg. do n.eh.). Avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. M., 2011.
42. Morgan C. Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagoria. Leiden – Boston, 2004.